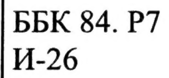

М. Игнатов
Барак
без номера

МИХАИЛ ИГНАТОВ

БАРАК БЕЗ НОМЕРА

Стихи

Мурманск.
Союз российских писателей. 2005 г.

ББК 84. Р7
И-26

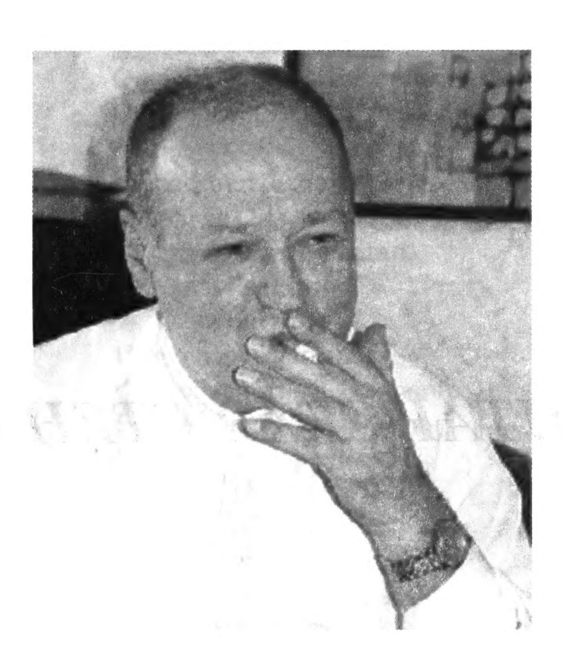
Мурманское областное отделение
Союз Российских писателей

И-26 Игнатов М.Т. Барак без номера. Стихи. 2005г. – 100с

Михаил Трофимович Игнатов, автор сборников стихов: «Я бесплатно Россию проехал», «Над белым крестом», «Стеклянный человек», «Бумажный змей», «Побег», член Союза российских писателей. Поэт предлагает читателям новую книгу стихов «Барак без номера». В сборник вошли как новые, так и ранее опубликованные стихи.

ISBN 5-85510-198-3

Мурманск. 2005

КИТАЙСКАЯ СТЕНА

* * *

Капитан отложит шашку
И возьмет гитару,
И споет корнету Сашке
Про княжну Тамару.

Синь в глазах у капитана,
Чуб, как у Есенина.
Он бежит из вражья стана
От солдат и Ленина.

На рассвете капитан,
Оставляя Свию,
Разрядив в толпу наган,
Потерял Россию.

И прощался капитан
С прежней жизнью гордой,
Верный приставлял наган
К розовому горлу.

На Волынщине стоит
Русский крест забытый.
И в сырой земле лежит
Капитан убитый...

На рассвете капитан,
Оставляя Свию,
Разрядив в толпу наган,
Потерял Россию...

* * *

Собака на кушетке – волкодав,
И дремлет в кресле постаревший граф,
И вспоминается ему
Распад СССР,
К чему-то вспомнился и дед его – эсер.

Десятый год шумела перестройка,
Сравнимая с тяжелою попойкой,
И граф вздохнул:
«Профукали страну»,
Усадьбу вспомнил, пятилетки и войну.

И вздрогнула во сне собака волкодав.
Про пенсию уныло вспомнил граф.
А может быть, в Америку махнуть,
Мечта – Америка,
И граф расправил грудь.

Но чувство Родины и это заглушило.
«Ах, мать ты, Родина», –
подумал граф уныло.

Нет, так нельзя, –
Покой и лишь покой!
Но вспомнил вдруг царя,
Шахтеров, Уренгой.

И сердце вздрогнуло:
Последний раз вздохнув,
Остановилось,
Даже не кольнув.
Заплакала навзрыд собака волкодав,
Но далеко в пути был старый граф.

Кронштадт

Черный лёд...
Граненый штык – в сердце,
Через зрачок,
Притаился ужас – мотылёк.
Кронштадтский мятеж–
Бей и режь.

Бушлаты бордовые,
Красные ордена –
Страна
Сквозь виселицы не видна...

Ветер и ветер,
Колесницы звёзд,
Кронштадтский форпост.
Небесный матрос
Жил в моём сердце и рос.

Луна за окнами черного этажа,
С глазами Кронштадтского мятежа...

Буденовка

Кто строил БАМ,
В Сибирь тянул дороги?
Их имена хранит одна тайга,
А тридцать лет назад за эти строки
Поэт мотал бы вечный срок зека.

Солдаты, взяв наперевес винтовки,
Врагов народа гнали на тот свет...
Вся, до последней гаечной мутовки,
Стонала трасса Абакан – Тайшет.

Эй ты, старик! С дороги убирайся!
Удар прикладом голову разбил,
Упав, увидел: по Сибирской трассе
Их легендарный эскадрон пылил.

Он впереди – веселый, молодой,
Буденовка с звездой пятиконечной,
А бой идет, кровавый, бесконечный…
Как он любил тот правый, вечный бой.

Колонна сапожищами стучала,
Дорогой черной, лагерной бедой,
Под небом власть Советская сияла
Кровавой ослепительной звездой.

Кто вспомнит – коммунист без партбилета,
С фронтов гражданской, красный командир
В тайге, на трассе Абакан – Тайшета
Стирал ладони до кровавых дыр.

Где истина?
И где ошибка, где?
Мечта о рае обернулась адом.
Он все-таки прозрел в людской беде,
Наотмашь в лоб ударенный прикладом.

Ностальгия

Прощай, Париж,
В котором не бывал!
Прощай, Париж,
В котором побываю!
С семнадцатого года уезжаю,
Но никуда я так и не попал.

Не плачь, Россия!
Плакать буду я
Опять и снова пьяными слезами.
Высоким стать мне, видно, не дано,
Мы – русские с еврейскими глазами.

А рай – на небе.
Автомат наперевес,
И в камуфляж одетая Россия
Крестами в рай дорогу до небес
Проложит всем до Солнца и Мессии.

Взрастили мафию
И тюрьмы не снесли,
Солдат своих от бойни не спасали.
Забор – Россия. И Россию не спасли, -
Московский Вавилон воссоздавали.

Реформ и нищих больше, чем всегда.
И больше равнодушных и убитых.
А правят нами те же – из ЦК –
И кучка депутатов – нервно-сытых.

Что говорить о вечном?
Подожду,
Но солнце нам вторые сутки светит.
Я снова факел памяти зажгу
И помолюсь.
А может, кто заметит?
Прощай, Париж,
В котором не бывал!
Прощай, Париж,
В котором побываю!
С семнадцатого года уезжаю,
Но так я никуда и не попал.

* * *

Родина – как ссадина,
Как в душе заноза, –
Все отдал ей гадине,
А в ответ – угрозы.

Может, это розы:
Жалят их шипы?
Перейду вот к прозе,
Расскажу – кто ты!

* * *

Что со мною? Я не плачу.
Омертвело все во мне.
Эту хворость, не иначе,
Заработал я в тюрьме.

Что со мною? Я не верю
Больше никому,
Приласкаю разве зверя
В сумрачном лесу.

Мир такой не я придумал, –
Беззаконный и чужой.
Кто мне грязью в душу плюнул?
Кто придумал мир такой?

Что со мною? Я не плачу.
Омертвело все во мне.
Все слепые не иначе.
Правят нами там – в Кремле.

1983 г.

* * *

Я сам себе противоречу,
Я в вечном споре сам с собой.
Я горьким временем отмечен
И жизнь моя – извечный бой.

Я в ней и путник, и прохожий.
Сосед и муж, чужой и свой,
На никого я непохожий,
Но как похоже рвусь домой.

И на вокзал я тороплюсь,
Быстрей билет я покупаю,
Я говорил, что не женюсь,
Теперь от грусти пропадаю.

Пусть я, увы, не самый лучший:
не так воспитан, небогат,
Пусть я России сын заблудший.
Но верный ей.
Не эмигрант.

Здесь все кресты мои и предки,
Паденья, взлеты и друзья.
Да, жизнь не сладкая конфетка,
Но это – Родина моя.

Сомненья были, есть и будут,
И будут горечь и тоска,
И, может, жизнь мою подрубят,
Не дав ей сделать и броска.

Но, как бы ни было, – я русский
Всегда: и в мире, и в войне.
В душе не сделаю утруски.
Как кровь, Россия, ты во мне.

1983 г.

Командировка

Засаленный вокзал
И поезд скорый,
Попутчики и подкидной дурак,
Забитый туалет, ОМОН и воры,
И с мировыми ценами кабак.

Я полстраны перевидал в окно,
В купе наладил быт почти оседлый,
Под курицу в томате пьём вино...
И говорим с язвительным соседом.

Мы на конечной станции сойдем,
Маршруты наши грешные итожа,
Тогда-то в департаменте ином
Командировку нам отметит Боже.

Что вспомним мы?!
Вокзал. Базар. Медак.
Забитый туалет и разговоры
Про женщин, про зарплату и кабак...
Куда же нас домчал
Наш поезд скорый?

«Китайская стена»

У одной моей знакомой
Голос – нежно-звонкий,
А квартира ее завалена тысячью
Банок китайской тушенки.

У нее благородная профессия –
Воспитательница детского дома.
Вот такие дела, Отец мой, Иегова.

* * *

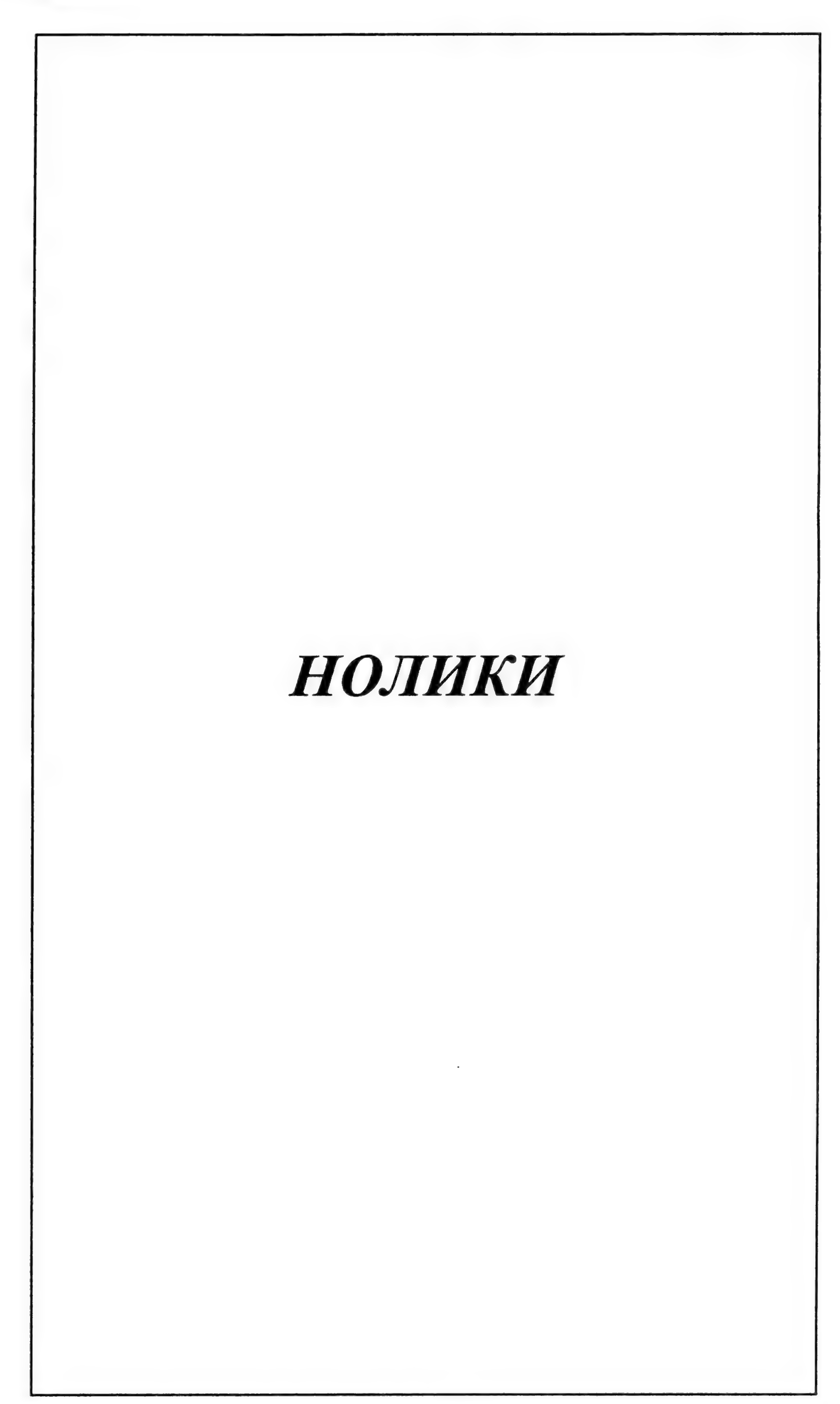
Украли памятник,
Скамейку, крест, плиту.
Нет памяти –
Ее перепродали,
Но я в прокуратуру не пойду,
Не кошелек с деньгами отобрали.

* * *

Народ базарный,
Рынок, суета,
Обжорный ряд
И роскошь из свинины.
Почем, товарищ, нынче
Памятник, плита?
Я сумасшедший –
Мне не надо осетрины.

Ах, суета!
Обжорно-пыльная дорога,
Но кладбище-паук нас стережет.
И снова денег просим мы у Бога,
И рынок запахов опять меня зовет.

Не вечны мы,
Но вечность пахнет вкусно.
Торопимся,
Спешим занять места,
Хватаем что-то,
Если даже грустно,
И в интерьер засунули Христа.

НОЛИКИ

* * *

Полуостров Средний,
Безголовые каски,
И нескончаемый ветер -
Во все времена.
И прошлое,
Постаревшее – без маски,
Бродит без сна.

Памятники, рвы, дороги,
Война.
Воронки без дна.
И ветер-печаль
Уносит взгляды живых,
И голубое небо
Для своих и чужих...

Нолики

«Благодарим
За воспитание Вашего сына...»
Лопнула мина.

«Летучий голландец» унес тела
И души через океан
В облака-купола.

Крестики-нолики,
Крестик – живой,
Нолик – исчез
С океанской волной.

«Благодарность...»
Повторяется день,
И следует за ноликом
Серая тень.

Крестики-нол ики,
«Летучий голландец» вдали
Новеньких ноликов
Забирает с земли.

Прилетел вертолет

(далеко от войны)

Гулко вздрогнуло небо
От взрыва не поражения
И не победы,
Так живет земля не один год,

Прилетел вертолет.

И из детства далекого моего
Увезли безногого друга-
Еще одного,
А небо не врет -
Прилетит
Еще не один вертолет...

* * *

Какой санитар
Меня подберет? -
В этой войне,
И в какой воронке
Сердце уснет -
На ее глиняном дне?

Санитары мои.
Глажу небо раненою рукой.
И расстрелянные сны
Над весной...

Сердце мое – лети!
Как птица далеко
От войны.

А тело мое подберут
Санитары и сны.

* * *

Замерзшее кладбище
Смиренных людей,
Без фонарей.
А, впрочем, над сторожем
Два огня
Горят – как память погасшего дня.

Ангел -
Шестилетняя девочка -
Внучка покойного генерала войны.
Равнодушно считает
Мои уходящие сны.

Архангелы звезд
Забирают души куда-то,
Оставляя живым и коны-плакаты,
Полумесяцы, деревянные звезды, кресты
И вопросы о вечности и полетах мечты.

Ангел -
Шестилетняя девочка -
Внучка покойного генерала войны,
Равнодушно считает
Мои уходящие годы и дни.

* * *

Мальчики и девочки, –
Сломанные веточки!
Не поднимайте руки
В голодное время, –
Может, Бог Вам
Выдаст премию?

Не хамите,
И не юродствуйте,
Но и не безмолвствуйте:
Ищите свой Путь –
Сквозь болотную муть.

Слышите?
Звезды плещутся и поют,
Кони белые в небе ржут.

Не поднимайте рук
Не заплюют,
Вороны черные –
Не заклюют,
Разве только убьют?

* * *

Постреляли,
Полыхнули,
И поехали домой,
Там где дети,
Там где теща,
И пирог был с курагой.

Отобрали,
Посмеялись,
Били долго, не спеша,
А еще убили друга,
Дырку сделав с «калаша».

А еще па дачах сосны
Ночь слезилися смолой,
В этот год не високосный
Кто-то стал опять землей.

Разозлиться,
Опрокинуть,
Но Россию вряд ли сдвинуть,
От террора до террора
Жил народец на просторах.

По контракту, по призыву...

Поле брани,
Много брани,
И зеленой много ткани.
По контракту, по призыву –
От окопа до обрыва.

Взвизгнет пуля,–
Пот собьет.
Не меня она убъет.
Плачет ветер-верный сеттер, –
Смерть сегодня он заметил.

Друг упал под пулеметом,
Мой сосед с десантной роты,
В небе с ястребом – «вертушки»,
Птицы думают – игрушки.

Сын войну нарисовал,
«Папа в танке» – подписал.
Папа был в командировке –
По контракту, по вербовке.

Храм на поле,
Много боли,
Много слез, седых старух,
Сердце прыгает и колет,
Тополиный валит пух.

Поле брани,
Много брани,
И зеленой много ткани.
По контракту, по призыву –
Шла война без перерыва.

* * *

Неизвестному солдату
посвящается...

Он был уже приговорен...
Плывет по небу тихий звон.
Еще не чувствуя свинца,
Еще в объятиях отца.

Еще могилы нет ему,
Еловых веток на снегу.
Еще от взрыва не упал,
Еще "как больно..." – не сказал.

Еще шагал он по зиме,
Но был уже не на земле.
Он был уже приговорен.
Плывет по небу чей-то стон...

Как легко умирать

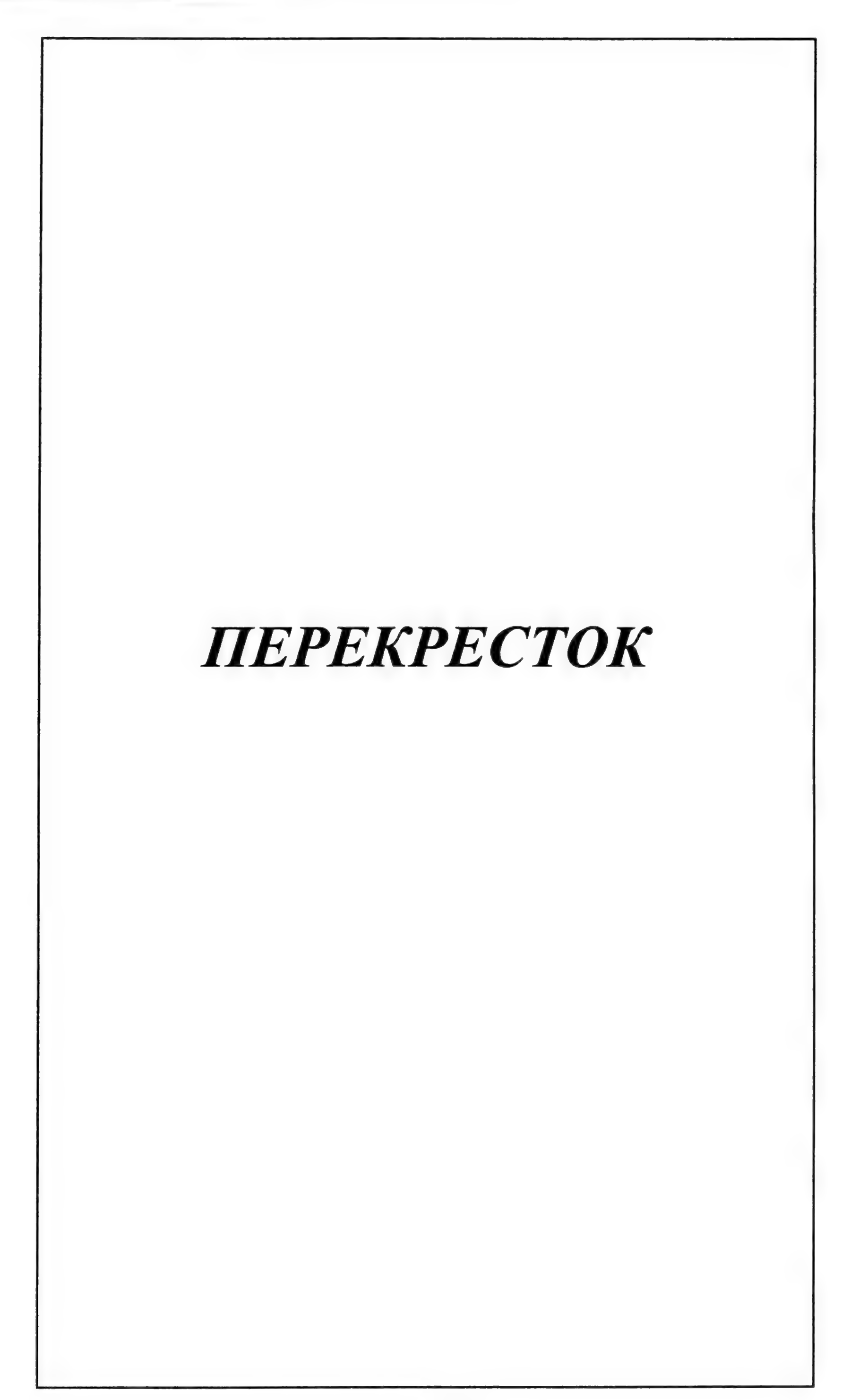
Я, прижавшись к ружью,
Сердце кровью залью.
Позабыв про Монако,
Снова брошусь в атаку.

Танк рванулся вперед,
Пуля сердце пробьет.
И мелькнет вдруг Париж
На мгновение лишь...

Мы уйдем в небеса,
Нам во след голоса,
Как легко умирать,
Не поживши опять.

Наш отчаянный миг,
Наш отчаянный крик...
Не хочу умирать,
Пулю в душу пускать.

Но, прижавшись к ружью,
Сердце кровью залью.
Позабыв про Монако,
Снова брошусь в атаку...

ПЕРЕКРЕСТОК

* * *

Я путешествовал во многих городах:
Бывал и в Кирове, и в пасмурной Казани.
Я путешествовал в купейных поездах,
И не был разве только в Магадане.

9 А что ж ты видел, странствуя по свету? –
Вдруг спросит кто-то невзначай меня.
Я расскажу, забыв про сигарету,
Какая в каждом городе тюрьма.

1983 г.

* * *

Вагоны, погоны
В цвет красного дня,
И след уходящего лета,
И тепловоз – младший брат корабля
Увозит меня от рассвета.

Стук-стук и тук-тук,
Полотно,
Железом тупым разрывало,
А я нарисую окно,
В котором звезда не упала...

* * *

Ушел последний мой автобус.
Маршрут закончен – завтра суд.
И я смотрю на школьный глобус:
"Куда, куда меня пошлют?"

Направо юг. Тайга налево...
Уходят мысли в никуда.
Сибирь на карте – королева.
Наверно все же мне туда.

Туда.
Туда, где с кандалами
Мой прадед хаживал не раз,
Где декабристы познавали
Царя прощающий Указ.

Тайга крошила кости тела,
Ломая даже мертвецов.
Земля сибирская кипела
От крови дедов и отцов...

Я сын России.
Пусть не лучший.
Не много сделавший добра.
Но надо мной сгустились тучи,
И мне пора.
И мне пора.

1980 г.

* * *

Беломор,
Две спички,
Дым...
Беломорканал и Крым...
Призрак «батюшки» с усами
Появился за дымами.
Старый лом, лопата, строй
И последний с жизнью бой.

Диалог в вагоне

Обжит столыпинский салон,
В обед грызем горбушку хлеба.
Сейчас бы масла и батон
И шашлычок под чистым небом.

Конвой везет нас вологодский,
Эмблемы светятся во тьме,
Их не воспел поэт Высоцкий,
Поскольку не был он в тюрьме.

Не прижился бы бард на нарах,
Среди конвойных, сир и нищ,
И плакала б его гитара
От их сапог и кулачищ.

Куда везете нас, ребята?
В ответ – заученная брань.
Простите, граждане солдаты,
Зека, замученную рвань!

Конвой везет нас вологодский,
Эмблемы светятся во тьме,
Их не воспел поэт Высоцкий,
Но все же с нами он, в тюрьме.

* * *

Барак без номера...
Звезда,
Уже не красная сияла,
Но прибывали поезда,
Как Знак,
Как новое Начало...

* * *

Я в Казани бывал, но проездом,
И в окно видел только вокзал.
Замурованный в поезде тесном,
Даже время стоянки не знал.

Я бесплатно Россию проехал.
Не платил и в Казани тогда.
Но конвойные были помехой –
Закрывали спиной города.

1980 г.

Заборы

Забор,
Пограничник,
Собака – отличник.
Заборы, заборы
На тысячи вёрст.
И дачу с забором,
В колючках наличник
Срисует художник на холст.

Квартиры – решетки,
Роддом, Зимний Сад,
Мы все – часовые,
Забор – комендант.

Я умер сегодня,
В скорбящей толпе...
А сверху ограда от близких
На мне...

Казань – тюрьма

Казань – тюрьма,
Тюрьма церковная,
На потолке бубновый туз.
А я пишу стихи любовные,
Чертей и бога не боюсь.

Казань, Казань –
Тюрьма церковная.
Мы в монастырских кельях спим,
И сны проносятся любовные
Под сводами, как легкий дым.

Во сне я вижу бабу голую –
Желанье кружит, словно вихрь, –
Простую, толстую, веселую.
На воле не любил таких.

Да, я узнал Казань по камерам,
Хотя красой цветет в веках
Высокий Кремль, седой и каменный,
Но это все не для зека.

Казань цивильную не ведаю,
Ее бродвеем не пройдусь,
Ухи татарской не отведаю
В стекляшке под названьем "Русь".

Казань – тюрьма,
Тюрьма церковная.
На потолке бубновый туз,
А я пишу стихи любовные
И бога с чертом не боюсь.

* * *

Карантин.
Два шлагбаума. Зона.
Что нас ждет? Неизвестно пока...
И тоска, до высокого звона, –
Это знает каждый зека.

Попрощайся с свободою, Миша,
И стихов никогда не пиши, –
Вес равно ты в словах не опишешь
Эту жизнь среди злобы и лжи.

Карантин.
Два шлагбаума. Зона.
Что нас ждет? Неизвестно пока...
Но тоска, до высокого звона, -
Это знает каждый зека...

* * *

Жесткий окрик и лязг автоматов,
Серой массой колонна брела,
Равнодушье морозных закатов,
Так для нас начиналась зима.

Это сладкое слово – свобода:
Уходи куда хочет душа.
Наплевать, что плохая погода
И в кармане давно ни гроша.

Пропадет настороженность злая,
И душа улыбнется моя.
Для меня жизнь настанет такая,
Что себе позавидую я!

1982 г.

Милицейская считалка

Шеренга зэков:
Первый – "мент",
Второй и третий – был агент,
Четвертый – вроде резидент,
Шестой и пятый – снова "мент".

Седьмой, восьмой – солдат ВВ,
Солдат девятый из ГБ,
Десяток – явных стукачей,
Десяток – бывших басмачей.
Десяток третий – КГБ,
Два старика с НКВД.

Один обиженный курсант,
Один, седой – тот эмигрант,
Один, еще – тот демократ,
Взорвать пытался Ленинград.

Рядком идут бытовики, –
Они "ментам" не свояки.
Министр – особый здесь клиент.
В конце шеренги снова... "мент".

1981 г.

* * *

Моя судьба в капкан попалась
И не узнать теперь лица.
Жена моя истосковалась,
Растет дочурка без отца.

То снег, то дождь у нас на зоне,
Погода та же и во мне.
Но здесь я, слава Богу, понял –
Кем должен быть я на земле.

Любовь моя – жена и дочка!
За веру я Вам поклонюсь.
Я не поставил в жизни точку.
Для Вас я многого добьюсь.

Я не упавший, не пропавший.
Я друг Ваш искренний навек,
Хотя безвременно уставший
Седой и нервный человек.

1982 г.

* * *

Потолок, весь засиженный мухами,
Паутины-решетки вокруг.
Но я болен весенними звуками,
Что за стенами слышатся вдруг.

Там с утра кувыркаются птахи
На тюремном глухом козырьке.
Тополей зеленеют папахи,
Ветерок пробежит по реке.

Там с берез каплет соком лучистым,
Солнце бродит на небе большом,
И весна там поет голосисто,
Проходя по земле голышом.

1983 г.

Поздравление на открытке

Родные мои, я сегодня не с вами –
В чужом и далеком краю.
И только теперь я другими глазами
На Вас, дорогие, смотрю.

Вы радость моя, и любовь, и опора.
А я к покаянью сумел добрести.
За каждую мелочь,
За каждую ссору
Я каюсь, любимая, слышишь?
Прости.

Год новый уже на порог наступает.
Я с Вами, я с Вами всегда и давно.
Пусть ветер холодный в потемках гуляет –
Я с Вами, а с Вами всегда мне тепло.

Вы в Новом Году улыбайтесь побольше.
Здоровыми будьте, родные мои,
Не будет Год Новый прошедшего горше.
Я в это поверил.
Поверьте и Вы.

1982 г.

* * *

На осень жизнь моя похожа –
В ней листопады и дожди.
И если есть в ней день погожий,
То этим днем приходишь ты.

Но чаще ты приходишь ночью.
Ты и свобода.
Вы вдвоем.
Я верю в Вашу дружбу прочно,
Вас снова жду во сне моем...

1982 г.

* * *

Я терял друзей на той дороге –
Лагерная жизнь полна утрат.
В сапоги закопанные ноги
Меряли неволю до утра.

Знаю эту жизнь не из плакатов,
Воровскую жизнь не из кино.
Вороненый отблеск автоматов
Не пугал меня уже давно.

Я не маюсь осенью как птица, –
Журавли, летите без меня.
Мы к полоске света тянем лица.
До чего же камера темна!

И свобода кажется далекой,
Кем-то мне рассказанной мечтой,
Мне свобода снится синеокой,
Синеокой девушкой с косой...

1983 г.

Чифиристы

(лагерная песня)

Задымились в банке две заварки,
Сигарету "Рейс" я закурю,
Чифирю, друзья, я с "отоварки",
Приглашаю "хапнуть" по глотку.

Побазарим мы о жизни прошлой,
Лагерной мы сыты без того.
И когда уж очень в зоне тошно,
Мы кусочек вспомним "своего".

Заблестят глаза, как в лихорадке,
Полетят вдогонку "вторяки".
Мы уже зовем друг-друга "братки",
От глюкозы сладкой и "чифы".

Все мы – чифиристы по несчастью,
В этой кружке – наш Большой Союз.
Поделись с братвой козырной мастью –
Вот и легче стал неволи груз.

Задымились в банке две заварки,
Сигарету "Рейс" я закурю.
Чифирю, друзья, я с "отоварки",
Приглашаю "хапнуть" по глотку.

* * *

Закажу неон электрикам,
Чтоб в квартире день горел...
Постарел я не по "метрикам" –
По судьбе я постарел.

Я в квартире словно в камере,
Словно все еще я там.
Й фигуры близких замерли
Вроде статуй по углам.

А из зеркала чужое
На меня глядит лицо:
Что-то старое и злое,
И налитое свинцом.

Я, не узнанный собою,
Все ищу чего-то, жду.
Не в ладах, увы, с судьбою,
И с родными не в ладу.

А ведь ждать мне больше некого.
Все, что было, лагерь съел.
Ах ты жизнь собачья, бекова!
Вот и пожил, как умел.

1955 г.

* * *

Шаг за дверь, -
Тысячи кинжалов в грудь, -
Мой путь.
Утренний пешеход,
Искривленный рот.
Ветер, у города на поводке,
Жмётся к руке.

«Полетели...
из города мертвецов
к созвездию Гончих Псов?!»

Перед бунтом

Я не выживаю.
Я живу.
За себя сумею я ответить.
Слабость не во сне, а наяву
Победил я нынче на рассвете.

Сломлен я решеткой и конвоем,
Годы над висками – сединой.
Я чифир, как водку, пью запоем,
Но смогу принять неравный бой.

Бой последний.
Злой я нынче буду.
К голенищу нож стальной прижал,
Но дышу спокойно, полной грудью,
Я в себе святое не предал.

Прямо посмотреть в глаза решился
Всем врагам. Поверьте мне, друзья,
Что победа все-таки свершится,
Даже если вдруг и без меня.

Я не выживаю.
Я живу.
За себя сумею я ответить.
Слабость не во сне, а наяву
Победил я нынче на рассвете.

Побег

Шар огненный. Вспышка.
Зовущая высь.
И падают вышки,
И солнца карниз.

И небо упало...
Кричи, не кричи -
Глаза увидали в распадке ручьи.

Я умер? Убит?
Это кровь на лице.
Молчу, захлебнувшись в горячем свинце.

Секунды, их доли – замедленный бег.
Как срубленный тополь, упал человек,
Не видя заборов колючих и мрачных,
Не чувствуя запахов лагерных, злачных.

Он умер, наверно. Убит с АКМ:
Лежит на земле, равнодушен и нем.
И трое солдат подошли, закурили.
(И двое в душе уже отпуском жили).
Убит при попытке. Так значится в деле.
(И ангелы смерти в глаза мне смотрели).

Сменялись солдаты. Смеялись зека.
И кто-то сказал: он свалял дурака.
Ненужно-свободным все было вокруг,
И двигалась жизнь – нескончаемый круг.

В карцере

Все голоса,
Все краски, звуки
Исчезли за глухой стеной.
Свои негнущиеся руки
Сожму бессильно за спиной.

Но мир во мне!
Цветы и птицы,
К чему мне уши и глаза?!
Всегда со мной – любимых лица
И дорогие голоса.

Весь мир – во мне.
В своей неволе
Я не сойду с ума теперь,
И только руки сжав до боли,
Я жду, когда откроют дверь...

Любимая песня внутренних войск

Барак, шесть – ноль,
В космосе черная дыра – пора...
«Миллион, миллион алых роз...»,
Голос в тумане над лагерем полз.
Любимая песня внутренних войск,
В церкви кончился воск.

Бараны – тараканы,
Незажитые раны,
Не бьют барабаны...
«Миллион, миллион роз...»,
Превратился в навоз.

* * *

Метро, толпа.
В окурках тротуары,
Грузины с розами – зарплата за букет.
Гостеприимно светятся пивбары,
А я достану рыжий свой кисет.

На лавку сяду, закурю махорки
Последний раз я вместо сигарет.
Но на меня сотрудник взглянет зорко,
Я ухмыльнусь сотруднику в ответ.

Мне ново все – как заново родился.
Прощай, тюремный, очень строгий быт.
И как бы я тогда не провинился –
Я вновь вернулся, чтобы снова жить.

Неон, огни, автобусы, работа...
И вереницы стройных женских ног.
Во мне шумела словно кровь – свобода.
Не будет "больше кирзовых сапог.

Какая жизнь настанет – я не знаю,
Не зарекаюсь я, но только не тюрьма,
Букет цветов без сдачи покупаю,
И у меня кружится голова.

Еще минута... я с толпой смешался,
Смешался с жизнью снова. Навсегда.
Еще минута... Я уже смеялся,
Как долго не смеялся я...

1983 г.

Про морошку...

Кабак.
Поднос, официант
И столик у окошка,
Я водку пью и ем салат.
А хочется морошки.

Сам не пойму:
На кой мне ляд
Сей натюрморт из курицы?
Я отвечаю невпопад
Своей смазливой спутнице.

Однако наливаем, пьем
Исправно, чтоб мы померли.
И вот уже мы с ней вдвоем,
"Хорошенькие", в номере.

Она такая ж как и я,
Хоть имя ей – Надежда,
Лежит нагая, как змея
На сброшенной одежде.

Я поцелуи ей дарю,
Почти автоматически,
Ей вместо денег – подарю
Я сборник свой лирический.

Электроток.
Привычный шок
И сон не понарошке.
Перевернусь на правый бок
И... вспомню о морошке.

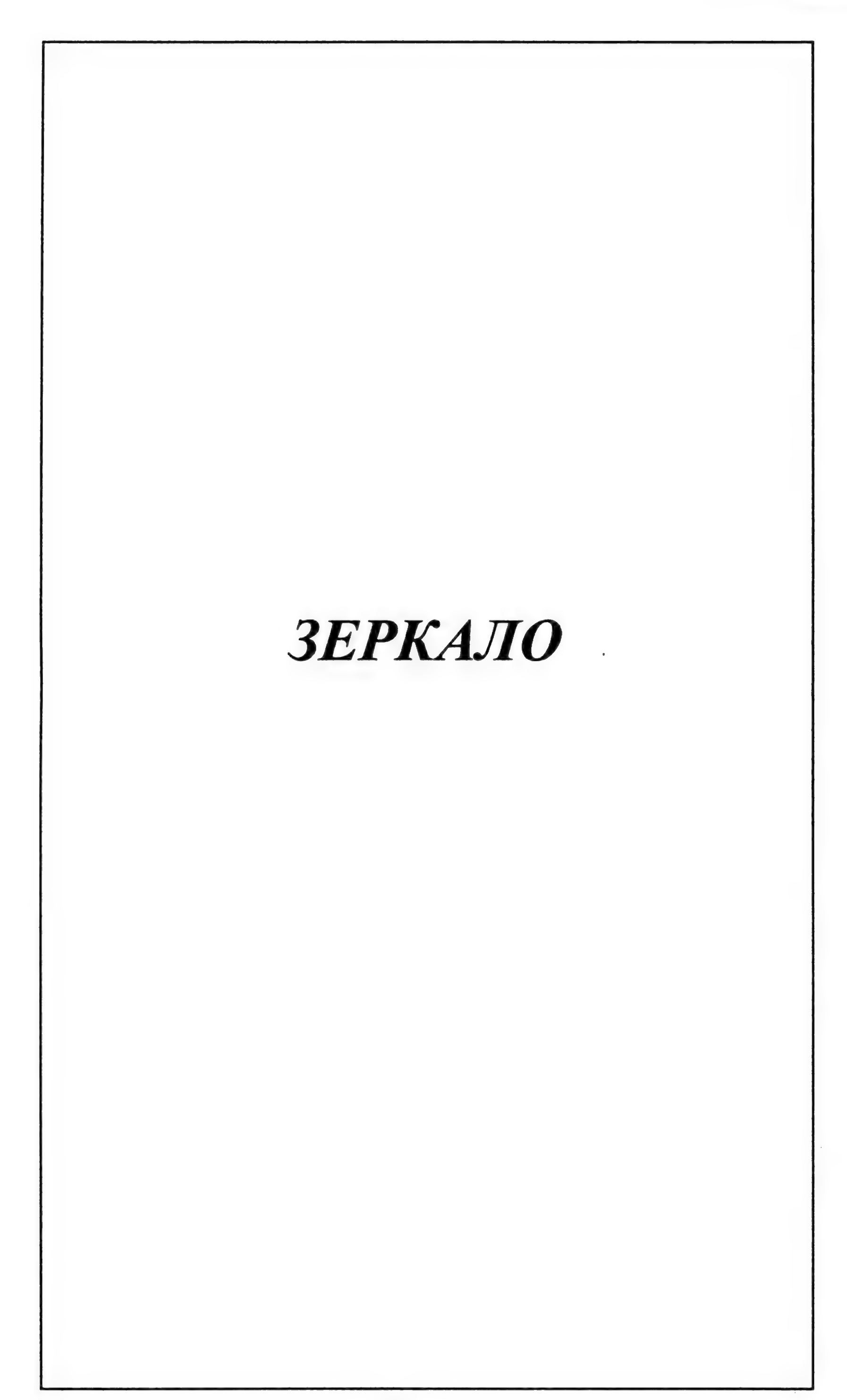
1985 г.

* * *

Перекресток...
Кто направо? Кто налево?
Поворот.
Я упрямый и неправый
Повернул наоборот.

И соломенные шляпы
Замелькали вдоль пути,
А соломенные вдовы
Предлагали мне зайти.
Три болота, море, речку,
Пролетел сосновый бор,
В церкви сельской ставил свечку,
И уткнулся вдруг в забор.

Три ряда ещё заборов,
Ухмылялся часовой,
Вороненый блеск затворов –
С возвращением домой!

ЗЕРКАЛО

Кинонастроение

Я с каждым часом пристальней и злей
Все окружающее вижу.
И все, кого люблю и ненавижу,
Запечатлелись в памяти моей.

На длинной черно-белой киноленте
Дублеров нет, они тут не нужны.
Здесь не гример – творец седых отметин,
Не каскадеры крутят виражи.

Здесь слезы, смерть, кресты – не понарошку.
Здесь жизнь моя поставлена на кон.
И кровь краснеет на песке дорожки,
Глаза живые – смотрят из окон.

Седая пыль. Уставшая дорога.
И ворон – над бедовой головой.
И облака, похожие на Бога,
Иконами застыли надо мной.

Я с каждым часом ярче и больней
Все окружающее вижу.
И все, кого люблю и ненавижу, –
На киноленте памяти моей.

У Черного моря

Мальчик на зажигалке
Зажарил кузнечика.
Поджарил от крыла
До зеленого плечика.

Небо южное в звездном кителе,
«Новый свет» допили родители.
Кузнечик упал с бордюра
В искрах огненного аллюра.

И я не умер от страха
За шелковою рубахой,
Лишь волны Черного моря
Всхлипывали от горя.

* * *

Песок, куда убежало время,
И мальчик – песчаное семя.
Вода размыла песок
И мой песчаный висок.

И бриг золотой уплыл,
И не было больше сил.
Куда убежало время?
Я – мальчик песчаное семя.

Но улетает

Я где-то рядом с облаками
Смотрю на мостик с рыбаками,
А рядом бегают дороги
И рощ березовые ноги.

Но так не хочется идти
Туда, где кружатся пути,
Дороги пыль глотать с толпой,
Я в облаках совсем другой.

Душа моя еще грешит
И с телом спорить не спешит.

Кола

Две реки –
Тулома, Кола,
Кола – городок.
Столб поморский возле мола
Чайки греет бок.

Церковь.
Лето.
На кресте
Солнышко играет.
Много света и во мне,
Город отдыхает.

Красный, желтый, голубой.
Улица сирени
Приведет меня домой,
Где в окне – тюлени.

Во дворе – собаки, дети,
На обед идет сосед.
Хорошо мне в Коле летом
Отдохнуть от старых бед.
Чист и свеж ребенок-воздух,
Пыль не трогает дворы,
И душа находит отзвук,
Не ругаешься и ты.

Белокаменка

Камни – зеленые ящерицы,
Волны – заблудшие падчерицы.
Белокаменка –
Родина малая,
Деревенька забытая, старая.

И залив – язык океана –
Отуманит причал словно в бане.
Белокаменка –
Родина маленькая –
Старичок в залатанных валенках.

И живет народ, хоть и пьющий,
Дружелюбный к приезжим, незлющий,
Трескоедный, селедный люд,
Песни, правда, редко поют.

Белокаменка –
Родина маленькая,
Русь забытая,
Нищая, пьяненькая.

Куланга

Куланга.
Один дом, одна могила,
Дождями тропинку к заливу размыло.

Лабазник-проказник опутал опушку,
Хозяин Серега пьет водку из кружки.

И тишина над заливом,
И время бежит от прилива к отливу,
И жизнь – не на дни и часы,
А на зубатку, треску и весы.

И меряют сети залив,
Лодку к банке прибив.
Поморье – северная страна.
Рыба пошла – теперь не до сна.

В печке тлеет желтый уголек,
Над домом белый плывет дымок.
И ветер-сосед качает деревьев макушки,
Стоит дом – значит жива деревушка.

Дорога домой

Поеду в Никель,
На могилы близких,
Так далеко все это
И так близко.
И сколько не поставлено свечей,
А скольких я не спас своих друзей?

Но завтра
Поверну машину вправо,
Я возвращаюсь с дальних стран домой,
Мелькнет знакомая погранзастава
И повзрослевшая береза за рекой.

Так далеко все это
И так близко...

Молитва

Приди ко мне, мама, во сне,
Над белым крестом вознесясь,
Уставшему страннику, мне,
Не дай при дороге пропасть.

Над белым крестом воронье.
Но в синих весенних полях
Лицо дорогое твое
Склонилось, с печалью в глазах.

И слезы мои так чисты,
Стою на размытом пути...
И с белой склонясь высоты,
Хоть ты меня, мама, прости.

Февраль

Покоя нет
И боя нет.
Я в нелетающей тарелке,
Устав от праздников и бед,
Цвета теряю и оттенки.

Остались черные тона,
Осталось мучиться без сна,
А если белый цвет придет –
И он покоя не дает.

За волчьей сопкой солнце встало,
Но так ко мне и не попало.
На разворошенной земле
Я приучаюсь жить во мгле.

Остановившийся февраль,
И каждый день, который жаль...
Покоя нет и боя нет,
Лишь вьюга пишет свой сонет.

* * *

Во мне живет ещё не я,
Во мне метель, зима, земля,
Прижат подошвой облаков,
Живу в стране я дураков.

Я ем как все–
Через тире,–
Все чаще кашу и пюре.
Стираюсь временем, старею.

Умнея, кажется глупею.
А звезды выпадут на небе.
Созвездье Рак,
Созвездье Лебедь,
И я ещё не прилетел,
А вдалеке звездой горел.

Восьмой километр

Памяти Александра Кузнецова
– друга и спортсмена

Лыжня на десять.
Красные флажки.
Предстартовые детские страданья.
Мы оставляем на снегу стежки,
Еще быстрее! На втором дыханьи.

Я впереди! Я буду в гонке первым!
Но отчего, скажите, на восьмом,
Я оступился, сделал шаг неверный?
Упал в сугроб... заснул счастливым сном?

Заснул в снегу под небом чисто-звонким,
Какая радость – лес и тишина!
Мне жизнь моя казалась дикой гонкой,
Не стоящей безоблачного сна.

Проснулся я – не чемпион, не мастер.
Так не сумел я свой восьмой пройти.
Другой нагнал судьбу и встретил счастье
На снежном детском памятном пути.

* * *

Не жду приятных перемен.
Молюсь,
Но только бы не плен,
Не жду я теплых февралей,
И неожиданных дождей.

Собака, рыжий хвост поджав,
Не делит с холодом забав.
Осколок солнца – как в больнице
Тревожные осветит лица.

Не жду приятных перемен,
Не поднимаюся с колен.
Хандра. Февраль. И пустяки.
Л вместо улиц – тупики.

* * *

И мысли пламя не достигло слова,
Но утром жить я начинаю снова.
Лань-облако коснулося руки,
Морозный ветер сбил слезу с щеки.

Февраль-печаль
Устал пылить бредово,
А мне и тосковать уже неново,
Но под пространством космоса, как прежде,
Я улицу искал своей надежды.

Вечером

Скрипнул во тьме домовой,
Чайник воюет с плитой.
Вьюжен февраль на дворе,
Стынет мой стих на пере.

Жалко людей и собак,
Кто за окном просто так.
Ведьму стало мне жаль,
Что пролетела вдаль.

Нет ни Луны, ни звезд,
Вечер угрюм и прост.
Стынет февраль на дворе,
Дремлет мой стих на пере...

* * *

По лыжне серебристой уйду
В тени лунного леса ночного.
На пушисто-лебяжьем снегу
Буду утра я ждать золотого.

И ушанка моя меховая
Между шапок деревьев замрет,
И в рассветную мглу, остывая,
Сигаретный дымок поплывет.

А потом встанет солнце, пылая,
И душа просветлеет моя,
В заповедном лесу Заполярья
Только Родина будет и я.

1983 г.

Лесоповал

Дни-пни корнями душат по судьбе,
Старуха нагадала: быть беде.
И все мрачней стихи я сочинял,
В душе моей опять лесоповал.

Устал, уеду к финнам на постой,
Где мир и быт размеренно-простой.
Февраль тоской зарезал без ножа.
Как жаль, в печали нету куража.

Заламывает вьюга руки мне.
Возьму такси, проедусь по зиме.
И я опять февраль не покидал,
Чтоб посмотреть на свой лесоповал.

Весна

Лужа – уличное зеркало.
Какое глупое лицо!
Большое, круглое
И белое яйцо.
Я бросил камень
В зеркало кривое,
Чтобы не видеть отражение чужое.

И убежал,
И спрятался в подъезде.
Там не было меня
Я был в отъезде.

Я не такой, –
Во всем виною лужа
И солнце
Рано был разбужен.
И длинная зима,
И черный ветер,
И вьюжный бесконечный вечер.

Вариант свободы

Липы пахнут терпким медом,
Липы пахнут встречами.
Под апрельским синим небом
Я расправлю плечи.

На дорогу я взгляну,
Пахнет пирогами,
И траву теперь примну
Я не сапогами.

По дороге столбовой
Я лечу как птица.
Мне, апрель мой голубой,
Некого таиться...

1983 г.

На рыбалке

Я – зебра
Африканская в России,
День – дерево
И музыка Россини.
Я   соль земли,
Я – камень и цветок.
Ручей, канава
И реки поток.

Червь белый на крючке, -
Капкан металла,
А жить, лукавя, так осталось мало.

Детский рисунок

(цветные стихи)

Оранжевой была река,
И в розах синих берега,
На мост сиреневей сирени
Ложились розовые тени.

Чирикал алый воробей,
Дом ожидал цветных гостей,
Как на закате горизонт,
Песочно-красным был мой зонт.

И я в малиновом лесу
Гулял с собакой васильковой,
Сбивал янтарную росу
За сопкой с желтою коровой.

* * *

Куропаток комочки белые –
Негде спрятаться им на земле.
И вороны кричат оголтелые,
И Береза прижалась ко мне.

Как уныло,
Как страшно, быть может...
Чёрный лес, темный мох, воронье,
И припадок природу корежит,
Словно сердце больное мое.

Ничего.
Завтра будет получше.
К ночи может быть выпадет снег.
А сейчас – вороненые тучи,
И под ними идет человек.

Это я, мне нисколько не страшно.
Я хожу по родимой земле.
Снова дождь. Это тоже неважно.
Время осени есть и во мне.

И такой не боюсь я показывать
Тебя дальним заезжим друзьям.
Как о матери буду рассказывать,
Над тобою смеяться не дам.

1985 г.

* * *

Красно-желтый поезд – осень
Пробегает мимо сосен,
Пролетает осень вдруг,
Не задев меня – на юг.

Золотой упал листок,
Влажным следом между строк,
Недозревшая рябина,
Бабье лето   у камина.

Север – ветер, непогода,
Так и надо нам – уродам!

Подранок-дождь

Его хватило на мое лицо
И на ладонь,
В которой уместился
Подранок-дождь,
Через небес кольцо,
Поранившись слезой, едва светился.

Не удержался И скатился вниз,
Соединившись с утренней росой,
И улетел луч солнца тонкий в высь.
Упал на землю дождь с моей слезой.

Осень

Режет шоссе худосочную осень,
Я разговоры с природой забросил,
Руки холодные, дрожь, раздраженье,
Мокнет под небом мое вдохновенье.

Темными пятнами стали березы,
Капали с веток тяжелые слезы.
Блеклая осень –
Гадкий утенок,
Ветер заныл вдруг,
Как малый ребенок.

Лист подобрал с замеревшей земли,
Губами коснулся, шепнул – извини.

* * *

У нас межсезонье,
Не лето, не осень,
То солнце, то дождь,
И грибов еще нет.
Я утро впускаю без четверти восемь,
В окошке встречаю холодный рассвет.
А может быть это весна запоздала,
Дул ветер холодный – по нескольку баллов.

Старухи соседки твердят –
Конец света,
И скоро обледенеет планета.

Пойду-ка я в лес,
Подготовлю пещеру,
Чтобы встретить новую эру.
Шкура, копье, очки и консервы,
Осталось достать лишь индейские нервы.

Осенью...

Холст не тот,
Я бросил кисти,
Небо вновь загрунтовал.
Заболело лето. Листья
Шалый ветер скирдовал.

Дождь и дождь –
Какая скука!
В смятом золоте земля.
Рисовать – такая мука:
"Лес холодный, дождь и я".

Холст не тот,
Я бросил кисти,
Лес тоскливый пожалел.
На полеты желтых листьев
Просто так смотрел, смотрел...

* * *

Заверну в газету отчаяние,
Положу на свинцовый шрифт
И поеду за покаянием,
Но опять не работает лифт.

Обзвоню всех друзей – без надобности,
И скажу, что стал веселей.
Двести водки выпью для храбрости,
Но в душе не станет теплей.

Осень,
Желтый фонарь за плечом,
А рябине с рубинами все нипочем,
Дождь пол окнами хлещет и бреду.
Никуда я сейчас не пойду.

Обзвоню всех друзей – без надобности,
И скажу, что стал веселей,
Двести водки выпью для храбрости,
Но в душе не станет теплей.

* * *

Листопадом отшепчется осень
В позолоченном нашем саду.
Не дождя от погоды мы просим,
Но свинцовое небо к дождю.

И все реже прогулки в аллеях,
И все чаще сидим мы в кино,
И к подъездам, к теплу тяготеем...
Впрочем...
Как это было давно!

1984 г.

* * *

Тучи лезут прямо в окна.
Фонарей неясен свет.
Все вокруг давно промокло,
А рассвета нет и нет.

Запоздалый путник пьяно
Влажной тенью промелькнет.
Дождь нахлестывает рьяно,
В крыши дробью крупной бьет.

Осень – пасмурная тетка.
Серый, в пролежнях, асфальт.
Дождь и снег теперь по сводкам,
И холодная кровать.

Но ночник мой до рассвета
Будет маяться в окне –
Огонек тепла и света.
Может, кто зайдет ко мне.

1990 г.

* * *

Скоро придет Новый Год,
И кто-то звезды зажжет,
И будем улыбаться много часов,
И даже двери не замкнем на засов.

Скоро придет Новый Год,
И кто-то вдруг запоет,
И будем часто кричать, – Ура!
И хорошо, что на работу еще не пора.

Господи! Оставь нам это тепло
И дай света,
И дай память, не только поэтам.

Но праздник пройдет,
И только палки
Будут торчать
На заснеженной свалке.

Снег, пасмурные дома,
Мертвые елки,
И падающие на ветру
Игрушки-иголки.

* * *

И. Бессонову

Театр, в котором я живу,
С которым время провожу,
То в злых и бешеных погонях,
А вдруг – звездою на погонах.

Сжигает горло хохот-злость,
И я для всех как поздний гость,
Летим, орем и корчим рожи,
Театр, в котором мы похожи.

Театр людей – театр зверей,
Мы не ласкаем голубей,
Играем роль остервенело,
Театр, в котором надоело.

Со сцены я сползу под ночь,
В ней раствориться бы не прочь,
Чужой театр... я в нем играю,
Но я других ролей не знаю.

* * *

Я пришел издалека.
И присел у потолка.
Ночь – огромная акула
Съела в комнате два стула.

Покрасневшие глаза
Притянули небеса, –
Улетаешь?! Улетел!
Вспыхнул в небе и сгорел.

Улетел, звонить не буду,
Я сегодня встретил Будду,
И Христа, и рай, и ад...
Жду Вас тоже,
Буду рад.

* * *

Н. Минадзе

Не страдай, мой друг,
Не страдай,
Замирай по ночам,
Замирай,
Просто три недели не твои,
Да и год не твой,
А впереди бои...

Да и звезд на небе –
Восемь тысяч,
И искру вверху никак
Не высечь.

Вот, принес бутылку,
Огурцов,
Наливай,
Я к состраданию готов.

Ожидание

Подлецы–
По узлам души «спецы»,
Черепная коробка не в счет –
Там живет черный кот.

Красивая ночь черна-жирна,
Любовница мне неверна.
Аппетитна и желта Луна –
Не достанешь до дна.

На все наплевать,
Я в сарае закроюсь,
Напьюсь и навоюсь,
А вены не вскрою –
Слишком много покоя.

Вечный корабль – пустота,
Вечный покой полотна,
Здравствуй, встретимся в пять,
Как долго вечера ждать...

* * *

Сто лиц у апреля белого,
И только одно у апреля серого,
Сто лиц у апреля красного,
И небо такое ясное.

На улицах плещется хаос,
Мешают ручей и пафос,
Мешает память зимы,
Плохие, черные сны.

То вспыхнут, то догорят,
Там был я один виноват,
Троллейбус уйдет пустой
В апрельский рассвет голубой.

Сто лиц у апреля белого
И только одно у апреля серого.

* * *

Заплутал...
Поставлю крестик.
Запотевшее стекло.
Сердце бьется не на месте,
Дождь, январь, Луна, тепло...

Заплутал,
Играл в рулетку,
В картах – перебор,
Потемневшую монетку
Бросил я во двор.

И у всех просил прощения...
Возрастное, крик, зима...
С уходящим воскресеньем
Возвратился я...

* * *

Помолчим,
Без скуки, бреда,
А уходишь – уходи.
Я мальчишка – непоседа,
Меня вечером не жди.

Закрутилась,
Заметалась
Улица – в разлом.
В белом снеге потерялось
Небо за окном.

И молчим,
Не слышим слыша,
Я ушел в свой старый двор,
Где собаку звали Мишей,
Где не важен разговор...

* * *

И в светлице
И в темнице -
У своей судьбы в петлице.
А вчера я проиграл,
А сегодня не играл.
Млечный Путь вверху струится,
Серебрится...или снится.
Рядом с облаком лишь птицы,
Захотелось помолиться...
Или в черную напиться.

* * *

Родина моя!
Мой винегрет!
Модели, бомжи и парапет.
Добавим приправу –
Бандитскую расправу.
Чеснок – чиновник для вкуса,
Правительства малярийные укусы.
Тропа, азбука, школа – в придачу,
Наркоманов на сдачу,
Родина, здравствуй!
Здравствуй, любимый салат!
А где же вишневый сад?

Операция

Болт, шуруп и гайка –
Родина на спайке,
К мавзолею – рынок,
И страна без дырок.

* * *

Зеленых, белых
больше нет,
и красные в осаде,
а правит нынче серый цвет,
за это нас – к награде!

* * *

Навоевавшись,
Двинулись домой...
Сдав автоматы,
Бой сменили на запой,
И поскитавшись
В серых коридорах,
Вернулись в бой -
В крови жечь черный порох...

* * *

Летят в мое молчание
Рубиновые листья,
В осеннем покаянии
Рябиновые кисти.

Глаза упали каплями,
Не спрашивай меня.
Последний танец с саблями,
За озером – зима...

На улице

Кате

Прохожие – не сестры,
Прохожие – не братья,
Не родственные души,
Родная только Катя,
Зачем я здесь иду?

* * *

Светофоры – воры,
Трасса...
И в попутчиках Луна,
Оседлав весной Пегаса,
Оторвался я от сна.
Эхо – веха, –
Не помеха,
На ладонях спал туман,
И любовница – утеха
Вдруг простила мне обман.

Полетели километры,
Впереди зеленый свет,
Обнаженный с Музой – к лету,
Плыл на облаке поэт.

* * *

Черную кошку
Не увидишь в сплошной темноте,
Белую тоже.
А зачем это мне?

Солнце рассвета
Утонуло в озерной волне,
И закат утонул,
А зачем это мне?

Люди – река,
Я в бегущей толпе
Потерялся надолго,
А зачем это мне?

Черную кошку
Не увидишь в сплошной темноте,
Собаку в яблоках тоже,
А зачем это мне?!

ПАДШИЙ АНГЕЛ

* * *

Мой падший ангел,
Ты прости, -
За крылья, сломанные мной,
Летать мы будем – не грусти,
Над грешною землей.

Мой падший ангел,
Я молюсь,
Чтоб стал ты птицей быстрой,
Мой милый ангел,
Я боюсь
Попасть под черный выстрел.

Мой добрый ангел, проведи
Меня на встречу с Богом
И от беды отвороти,
Не будь со мною строгим.

Мой верный ангел,
Ты прости, –
За крылья, сломанные мной,
Летать мы будем – не грусти,
Над грешною землей.

* * *

Величавая поступь.
Женщина...
Из-под шляпки виднеется прядь.
И кольцо на руке, ты обвенчана.
Ты жена. И наверное мать.

Не узнать в тебе вздорную девочку.
Повзрослела фигурой, лицом...
И ломая акации веточку,
Я представляю тебя в голубом...

Безбилетные вспомню поездки,
Поцелуй на глазах у толпы
И вопросы твои полудетские,
И недетские ласки твои.

Проплыла лебединой походкой,
Навсегда растворилась в толпе.
Я отправился дальше за водкой,
Навсегда позабыв о тебе.

1985 г.

* * *

Удиви меня чем-нибудь,
Лучше лаской и светом глаз.
Все плохое на миг позабудь,
Не потом люби, а сейчас.

Не люби меня старой историей,
Я тебе расскажу все про них.
Полюби меня с нежностью, болью,
Я – история на двоих.

* * *

Броски поколений,
Паденья – колени,
И чувственность времени –
Белого семени.

Осколки надежд
И небрежность одежд,
И дряхлость старух возле сквера...
И все-таки – вера.

* * *

По траве бело-клеверной
Я бегу белым днем:
Цвет лица бело-северный,
Но – улыбка на нем.

Руки ловят травиночки,
Солнца свет золотой.
Полевой той тропиночкой
Я вернулся домой.

Я вернулся, родимая.
Дай мне руку свою.
Небо синее-синее
В жизнь ворвалось мою.

1983 г.

* * *

Поцелуем рот замазан,
Африканским зноем.
Я давно тобой наказан –
Пью тебя запоем.

Лучше б горькую я пил
Со случайным другом,
В одиночестве бы жил
За Полярным Кругом.

Но репейником вопьешься,
Острым коготочком,
Смехом ласковым взовьешься,
Скинешь ты сорочку,

И фланируешь часами
Голой королевой,
Я – смотрю туман-глазами,
Я – влюбленный в Тело.

Я в плену у белой кошки,
Ласковой, развратной,
Поклоняюсь белой ножке
Женщины азартной.

Пахнет сучкой в этой спальне.
Пропадаю я.
Парень с серыми глазами
Вместо кобеля.

1985 г.

* * *

Возвращаясь в пылкую влюбленность,
Боже,
Все же я не постарел,
Сердцем чувствуя, сгорая, обреченность,
Песню неожиданно душой запел.

Все ушло – и седина, и старость,
Правда ей пока еще не друг.
Прощай бессонница и вялость,
С любимой улетаю я на Юг.

Прощай, небрежность лысых строк,
Прощай, политиканство у комода.
Да, я влюблен! – хороший эпилог,
И мы уже на трапе самолета.

* * *

«Жизнь прекрасна», –
Прошептали губы перед сном.

Жизнь прекрасна –
Вечером, и осенью, и днем.

А печаль – лишь тень моей души.
Значит, свет ты на ночь потуши.

* * *

Еще не улетели журавли,
И лист не стал на золото похожим,
Из каждой лужи море синевы
Бездонностью смотрело на прохожих.

Еще последний дождь не пролил слезы,
И поцелуи были ласково-просты,
Но сломанными вдруг упали розы,
И мы сжигали белые мосты.

Так торопливо,
Так нетерпеливо,
Как будто кто-то в рай позвал на пир,
Я у подъезда замер сиротливо,
Прощайте, моя женщина-вампир!

Теперь – кто к мужу,
Кто к карьере,
Любовь карьером пролетела мимо вдруг,
Спокойно спите Вы, сейчас, по крайней мере,
Надеюсь, есть у Вас теперь
Надежный друг!

* * *

Кате

Жизнь попутала пути,
Чародейка злая.
Но кому сказать прости?
Подскажи, родная.

Никому ни друг, ни брат,
Как бродяга-ветер.
Перед кем я виноват?
Нет таких на свете.

Разве только у тебя
Попрошу прощенья.
Жизнь моя, моя судьба,
Радость-воскресенье.

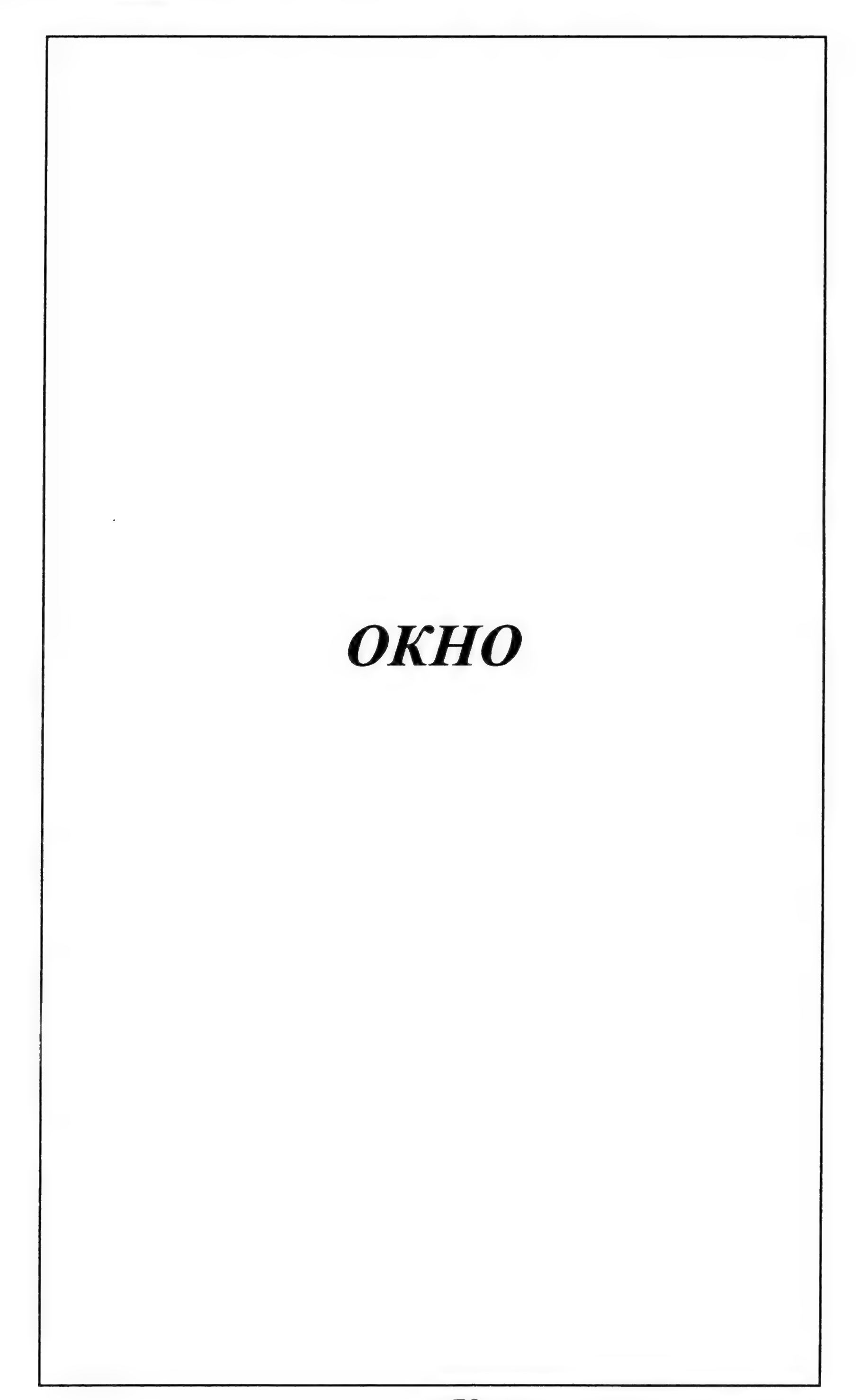
Ты прости, что я седой,
Что болтаю враки,
Взятый на измор бедой
В лагерном бараке.

Сердце мне не береди –
Там ведь шрам на шраме.
Я могу сказать прости
Лишь тебе и маме...

* * *

На подошвах холод-холод,
А в кармане пустота.
Хорошо, что я не молод,
И не надо жить до ста.

И не надо в подворотне
Драться в кровь, забыв себя,
Хорошо без поворотов
Мне добраться до тебя...
Холод-холод,
Ветер, снег
И несбывшийся побег...

ОКНО

Одиннадцатый этаж

Я раскрашиваю мир
В грустные оттенки,
А живу на облаках,
Рядом – через стенку.

Свой засаленный пиджак
Я на время спрячу,
Среди тонкостей цветов
Он похож на клячу.

Я и сам теперь не тот,
Что на фотографии.
И в какой покрасить цвет
Седую биографию?

Я раскрашиваю мир
В грустные оттенки,
Потому что не летаю,
А живу за стенкой.

Ловушки

Ловушки – тайные желания –
Затмят законы мироздания,
И я в плену – то розово-кошачьих
Желаний или поросячьих.

А то залезу дома на карниз
И хочется так прыгнуть вниз
Или прохожему в лицо не улыбнуться,
А просто рожу скорчить и ругнуться.

Ловушка – женский образ, как арбуз,
И задницей закрыт весь без остатка.
Я Библию читал и кончил вуз,
Но вновь в ловушках, словно бы в припадках.

Ах, плен желаний – необузданный прохожий,
Герой России на меня похожий!
Двенадцатый этаж, карниз.
Из любопытства снова тянет вниз.

* * *

Окно – мой собеседник странный,
Два облака – след памяти моей.
Я с кем-то путь прокладываю санный
За горизонтом монотонных дней.

Я убегаю в черно-голубое,
Наверно, убегаю от себя,
И облако несет меня большое
За переделы завтрашнего дня.

Окно – мой собеседник давний,
Упавших звезд поблекшие следы,
Ночной полет – то явный, то неявный –
До неизвестной мне еще звезды.

* * *

Тысячеглазое тело,
Сотканное из мяса, костей и слез,
Смотрит в небо,
Каждый день превращаясь в навоз.
Смотрит на небо
И чего-то ждет –
От безжалостных звезд.

* * *

Не бей меня –
Я друг тебе.
Толпа надрывно выла.
И я катался на земле,
От боли память ныла.

Не бей меня,
Не убивай,
Я друг тебе, я друг.
В себе открыть должны мы рай,
Все птицы тянутся на юг.

Не бей меня,
Не убивай,
Но грянул выстрел глухо.
И улетело время вдаль,
И прилетели мухи.

Он – урод

Он не урод,
Нет, не урод,
Но шляпа ему не идет,
И башмаки, и брюки,
И короткие руки.
И нет загара на нем,
И пишет стихи ни о чем.

Он не урод,
Не урод,
Но иногда запьет,
Рассвет обругает, закат,
Пропустит тысячу дат,
Цветы не подарит жене,
Вздрагивает во сне.

Утро.
Модельные брюки,
И удлинились руки,
Шляпу – другая сменила,
Пьянку душа пропустила,
И все другое – наоборот,
Теперь говорят – он
Обычный урод.

На помойке

Уходят волки стаей на закат
Из давних сказов, песен и баллад.
Уходят волки дальше от огней,
За сопки, умирать в страну теней.

Помоечный ряд –
Не охотный.
Ветер дергает свет фонарей.
На добычу выходят охотники
Всех мастей – от собак до людей.

Вначале дети – разберут цветное,
Блестящее, маленькое и большое.
Бомжи и нищие – пищу, бутылки,
Запасливый дворник – посуду и вилки.

Сверху с балкона смотрит сосед
Печально, видно, устал от бед.
И катится пестрый клубок разных тел,
А снег летящий так чист и бел.

* * *

Жду киллера,
Который день в смятеньи,
Словами грязными ругался «интернет»,
Замотанный шарфом уединенья,
Я щупал газовый в потемках пистолет.

Надрывная сирена
В синем цвете,
Кричала стервою за стенкой в полутьме,
Я в завещанье передал приветы
Холодной ночи, дочке и тебе.

Судьба не та,
Не те и лица рядом,
Как жаль,
Не спился я еще вчера,
Луна сверкнула золотым фасадом
И отразилась в паркере пера.

Жду киллера...

* * *

Одиночество – глупое счастье,
Полеты в никуда.
Ненастье.
Сапог, сшибающий росу,
И я, блуждающий в лесу.

Одиночество – лодка на реке
И птица черная в пике.
Одиночество – это грусть,
Где меня не найдут.
Ну и пусть.

* * *

Пустынная квартира -
Как пустыня,
Но выстрела не ждите из нее,
Вода молчит, зажатая в графине.
Молчит и сердце огрубевшее мое.

Опять метели разбивают мысли,
Шизофрения мягкая плывет,
Душа, по воле Бога, снова киснет,
Когда же мы отправимся в полет?

Пустынная квартира.
Занавеска,
Она, наверно, мир закрыла от меня,
Но ожиданьем полон, взрыва-всплеска,
Я чуда жду и завтрашнего дня.

Пустынная квартира.
Как пустыня,
Но выстрела не ждите из нее,
Вода молчит, зажатая в графине, –
Как сердце в ожидании мое.

О тишине

Быть в одиночестве – только с собой,
Тихо уплыть бы за тихой водой
Вниз по теченью, без тайн и друзей,
Вдоль берегов и причальных огней.

Жизни моей сумасшедшие дни –
Выстрелам метким подобны они.
Как надоел мне всегдашний обман,
Бед карнавал и страстей балаган!
Солнце взошло над прозрачной рекой.
Там за рекою цветы и покой.

Быть в одиночестве – только с собой,
Тихо уплыть бы за тихой водой
Вниз по теченью, без тайн и друзей,
Вдоль берегов и причальных огней.

* * *

Остановиться на бегу,
Сказать, что больше я не лгу,
Что душу чистую свою,
Не продаю, не предаю.

Остановиться на бегу,
Я сил уже не берегу...
Рассвета нет и ночи нет,
И утро – бред, и вечер – бред.

Остановиться на бегу –
Хотелось бы, да не могу.
Свеча моя во тьме чадит,
И сердце прыгает, чудит...

Остановиться! Отдохнуть!
Но под ноги ложится путь...

Золото

Серебро или золото?
Сердце расколото
Жадность – к горлу
С хулиганским ножом.
Ну, конечно, золото,
Золото, золото, золото...
Я иду под осенним дождем.

Дети в золоте,
Аллеи, земля.
Сердце расколото –
Собираю золото я.

* * *

Главное – не главным быть,
Главное – врага бы не убить,
Мой любимый герой –
Обломов Илья,
А враги – плохая погода и я.

* * *

Облако белое – флаг,
Журавлиный крик.
У тебя есть шаг.
У меня лишь миг.

От взлета и до полета,
От блаженства до рвоты,
От подлости до робости,
От старости до молодости,
От гримасы до смеха,
От любви до потехи.

Человек ночью чёрной
Утопился в уборной.

Журавлиный крик.
Растворился в облаке миг.

О черных кошках

Полысел,
Поседел,
Постарел...
Я сегодня себя пожалел,
И в раскрашенном в лето
Рассвете,
Никого не жалел так на свете.

Я – ловец черных кошек,
Дорог перекрытых,
Автобусов старых,
Народом забитых.
Человек поперечный
Сошел на конечной
И побрел по дороге
По встречной –
К черной кошке
Навстречу...

Ночью

Собака зарыдала.
Полночь. Хмель.
Я, звезды, ангел, мысли идиота.
Луна – цыганка, ветер,
Мир – постель,
И жалость по покойникам
До рвоты.

Эмигрант

Чужая ночь,
Чужие женщины,
Чужой вокзал в туманной мгле.
И на чужом дожде замешаны
Мои дороги на земле.

Да и дороги те чужие,
Чужая ночь их сторожит.
Спешат чужие ездовые,
Луна чужая там висит.

К жене чужой я тороплюсь,
Чужую женщину милую,
Чужому горю поклонюсь,
Свечу чужую я задую.

Тогда и я чужой себе.
Зачем мне торопиться?
И на чужой совсем земле
Мне что ли застрелиться...

1983 г.

* * *

Я ведомый или ведущий,
Или просто поджидающий смерть?
А за окном ветер поющий
Заламывал круговерть.

* * *

За жизнью – смерть,
За смертью – жизнь,
И не держись за каменную паперть.

За проигрышем – выигрыш,
Уходит эта жизнь,
И сожаленье лишь.
А может, подержись?!
За эту жизнь.

* * *

Модный цвет – это черный,
И характер цвета невздорный.
Цвет печальный, немолодой,
Будто я – рядом с вдовой.

Белый цвет – это снег
И ветра зимнего бег,
И замерзшие руки твои,
В которых я грел свои.

Осень теплая – желтого цвета,
Грусти цвет и печали поэта,
Там каждый – художник, артист,
Кружит желтый и падает лист.

В каждом цвете есть красный и голубой,
Как в дороге длинной домой.
Я стираю узор с голубого стекла
И Луну, что голову мне напекла.

Самый модный – цвет черный,
И характер цвета невздорный.
Цвет печальный, немолодой,
Будто я – рядом с вдовой.

Черная полоса

Жизнь – несмазанная дверь –
Предлагает: гроб примерь.
Рано мне, еще не взрослый,
Да и год не високосный.

Да и небо с облаками,
Будто яблони в цвету.
Утро трогаю руками, –
Не могильную плиту.

Жизнь – несмазанная дверь –
Заржавела от потерь.
Водку пью с тяжелым вздохом:
«Не повешусь,
Хоть и плохо».

* * *

Я сжигаю бумаги –
Белые флаги,
Безумные мысли –
Необъятно-кошмарный сон,
И жизнь –
Испытательный полигон.

* * *

Спрячусь в прошлом, –
Там спокойнее жить,
И не надо думать –
Быть или не быть.

Нет там кулаков
Трамвайных свар.
Ханжества нет
И тюремных нар.

Если даже скрипит душа,
Если в прошлом не было
Ни гроша.
Вспомнится мне голубое небо
Вкус земли: соли и хлеба.

Можно спокойно будущим жить,
Где захочется все изменить.
Расцветут сгоревшие мечты,
А вместо снега запоют цветы.

Между прошлым и будущим
Человек,
Бьется, мечется
Целый век.

А над ним плывет
Белая смерть.
Там тишина,
Но никто не хотел умереть.

* * *

Поэзия – как лезвие бритвы
Даже если белая:
Без рифмы и ритма.
Стекает с порезов души
Капельками кровь,
И в падении превращается
В розы – белые и красные.
Как любовь.

……

Стекает с порезов души
Капельками кровь,
Из мыслей и слов.

Памяти поэта

Пролетка,
Снег да тротуары,
Да ритм из цокота копыт.
Ночь опустила черный траур,
Луна со мной не говорит.

Все было в прошлом –
Нет поэта.
Свеча погасла за окном.
И сколько жизни невоспетой
Осталось где-то за стеклом.

Век фонари перебирает,
Стихи, как музыка, звучат.
И кто-то песню продолжает,
Но так, как он, не повторят.

* * *

Сотни ошибок, –
Сотни дней,
Без особой войны.
Какая короткая жизнь,
Какие длинные дни.

И ничего не успеешь исправить,
Не воскресить,
И не убавить...
Кто знает, как же нам быть?

Детства осколки
Счастьем оживают во мне -
В зеленом дворе.
Фотография – пожелтевший билет,
Но обратной дороги нет.

* * *

Натянута нить рассуждений,
Затмений, сомнений,
Видений.
Веревка натянута как струна.
Убежала боль.
И погасла Луна.

* * *

Убегать научился – трус?
Я хамства просто боюсь.
Лает в окне собака –
В страхах не виновата.

Ей бы одно – побрехать,
Прохожего попугать.
Но не боюсь собаки,
Мы с ней далеки от драки.

И драться нам не хотелось,
Просто душа распелась...
Убегать научился – трус?
Я хамства, просто боюсь.

* * *

Побродим, походим.
Пошепчемся, выпьем.
Налоги заплатим –
Спокойно уснем.

И жизнью, как дверью,
Тихонечко скрипнем,
Счастливою смертью помрем.

И будущий скрипнет,
И следующий тоже...
Какие хорошие! –
Скажет нам Боже.

Костер догорел,
И день звезды украл,
Но что-то не все я еще досказал.
А может быть, дверь во всю ширь отворить
И душу с размахом и криком разбить.

* * *

Плохо, когда теряешь улыбку,
И лед под ногами зыбкий.
Плохо, когда зима раньше времени,
И страхи гуляют у темени.

Плохо, когда голодают дети,
И солнце так редко светит,
Плохо когда умирает кто-то
И живешь без полета.

Закрываешь глаза,
И так хочется рассмеяться,
И ничего не бояться.
Плохо, когда уходят улыбки,
А мы совершаем ошибки.

* * *

Прокуренное братство
И яства -
Три салата, яблоко и апельсин.
Кончаются деньги --
Не пора ли убраться
И завязать -
Через аспирин?

Прокуренное братство.
Вот гадство:
Нет водки,
А мы еще говорим,
Про политику, жизнь
И пьянство,
И ждем...
Когда замолчим.

* * *

Тараканьи бега в голове.
На космическом звездном седле
Черным всадником брошусь в пространство
За мирское свое хулиганство.

Над моей изболевшей душой
Не летает архангел с дудой,
Только порванной кармы кусок –
Нет мечети, церквей, синагог.

Я с крестом в руке, слабый, дрожащий,
Сумасшедший, над миром парящий.
Рядом ведьма плывет с помелом,
А внизу – санитары, дурдом.

* * *

Не ищу я друзей в прохожих –
Сумасшедших в друзья не берут. ...
День сегодня такой погожий –
Даже, может быть, не побьют.

Даже, может, добавят тысчонку
И простят похмельную дрожь,
Не дадут у киоска в печенку –
Эх, денечек-то нынче хорош!

Вздорные стихи

Вчерашний дождь,
Троллейбус полупьяный,
Неубранное небо из-за штор,
А я в окне, как гость стою незваный,
И про рассвет придумываю вздор.
Про тучку с разноцветными губами,
Про ветер быстрый – за высотными домами,
Но вдруг увидел...
Высоко под облаками
Плыл белый лебедь
С синими глазами.
Плыл лебедь белый
Одинокой нотой,
Как далеки мы стали от полета...

Неубранное небо из-за штор,
Я про рассвет придумываю вздор.

* * *

Путаница – жизнь,
Как паутина,
А бывает вдруг болото – тина
И путана,
И ненужный балаган...
Я вчера был пьяный таракан.

Утро

Борису Блинову

Ругалась ворона напротив в окне,
И дворник уже заплутался в метле.
Сыр дворник украл поутру у вороны,
С похмелья в России такие законы.

Мораль такова: не зевай поутру,
Задержка зарплаты опять в ЖКУ.
А впрочем, все сутки теперь не зевай,
С ножом или колом пораньше вставай.

Совсем не про это хотелось сказать,
Я утро и дворик решил описать:
Ругалась ворона напротив в окне,
И дворник уже заплутался в метле,

И утро окрашено в розовый цвет,
Вороне и дворнику шлю я привет.

Пять граммов души

Пять граммов души улетели гулять
С душой трындычихи веселой,
А мне до утра волноваться и ждать
Пять граммов души бестолковой.

Пять граммов другие махнули в Париж,
В пыли его улиц валяться,
И что же ты, сердце-философ, молчишь,
Ну надо же так растеряться!

Пять граммов летают три дня в облаках,
Пять граммов другие бредут в синяках,
Пять граммов в пустыне блуждают опять,
Их долго придется домой ожидать.

Душа разлетелась,
Чернело окно,
Я плакал артистом
Немого кино.

Пять граммов вернулись
С душой трындычихи,
Пять граммов – с Парижа,
Смиренны и тихи.

Пять граммов в пустыне
Жить стали отныне.
Сегодня и я
Улетаю жить с ними.

Запой

Я давно не молодой,
Но опять уйду в запой.
Скатерть белая с пятном,
Пью один я за столом.

Два бокала, сизый мрак,
Перестроечный кабак...
Сутенеры, шлюхи вьются –
Эти точно не напьются.

А за окнами зима,
В синем инее дома,
А в бокале Сатана –
Предлагает пить до дна.

Рядом драка, рядом хмель,
Слез и нервов карусель...
Я тоску не опрокинул
И чужих людей покинул.

Пьяный шел я по бульвару,
Продавали самовары,
Может, душу мне продать,
Наплевать на благодать?!

И звенит, звенит тоска,
Будто пуля у виска.
Проскачу-ка под луной
На тоске своей хмельной.

Я метался, я кричал,
Никого не замечал.
Позвонил... пришел домой –
Вот и кончился запой.

* * *

Домой!
Скачите ездовые!
Стучат ботинки мостовой,
Прощайте, грязные пивные,
Где был я пьяный – рядовой!

Домой, домой – несу запой,
Собака друг, жена – немой,
Постель, окно и молоко,
И психиатр недалеко.

* * *

Меня не спрашивайте строго –
Верю ли я искренне в Бога?
Но искренне верую в небесную чистоту,
В вашу и свою отзывчивость и доброту.

Церковь – белая скатерть,
Молюсь я Тихвинской Богоматери,
Зажигаю свечи,
Остановилась душа –
Покой.
И засветилась карма над головой.

* * *

Озеро-душа
И сердце-вечер
Мне о чем-то важном говорят.
Я по жизни словно пьяный ветер,
Все спешу, куда глаза глядят.

Озеро мелеет –
Омут боли.
И не падает счастливая звезда.
На песчаном, как пустыня, поле
По пятам за мною шла беда.

Озеро-душа,
Не дай погибнуть
На ухабах проклятых дорог.
Остается только в небо крикнуть:
«Помоги мне, милосердный Бог!»

* * *

Все так похожи,
Так похожи!
Все это видел я вчера.
И только ангелы все строже
Кружиться стали у пера.

Я уезжаю,
Уезжаю...
И возвращусь когда – не знаю...
Почти пустой зал ожиданья,
И мой маршрут без расписанья...

* * *

Засветился купол церкви
В городе моем,
И моя звезда не меркнет
В небе за окном.

Значит что-то возвратилось
Ранним утром к нам,
Что-то в нас не заблудилось,
Жило по ночам.

Черный ветер мостовых
Нам несет тревогу,
Страх поделим на двоих
Может быть, и с Богом...

Засветился купол церкви
В городе моем,
И моя звезда не меркнет
В небе за окном.

Почтовые марки

Ольге Андреевой

Когда я стану никому ненужным
И старым,
Когда буду спокойно-больным
И непьяным,
Я стану раздавать детям
Почтовые марки
В магазинчике на Театральном бульваре –
У арки.

Буду раздавать розовые мечты
Путешествий, где не была и ты:
Восходящее солнце Соломоновых островов,
Королевство кривых зеркал,
Индийских слонов.

А когда на прилавке
Закончатся марки,
Уйдут и старость, и жизнь
Возле арки.
В магазинчик придет кто-то другой,
А я начну путешествие
В вечный покой.

Но в голове бродит сумасшедшая версия,
Что после старости я уеду в Персию.
Поверьте, лучшая профессия –
Дарить детям почтовые марки,
Путешествия, розовые мечты –
Возле арки.

Содержание

Китайская стена

Нолики

Перекрёсток

Зеркало

Падший ангел

Окно

ИГНАТОВ
МИХАИЛ ТРОФИМОВИЧ

БАРАК БЕЗ НОМЕРА

Ответственный редактор
Зоткин СВ.

Художник
Потанин Н.Н.

Компьютерная обработка и вёрстка
Завгородний А.А.

Подписано в печать 20.11.2005 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial Cyr. Усл. Печ. Л 6,5. Тираж 400 экз. Заказ № 200.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «Бионт»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО д.86

